

РЕАКЦИИ АДРЕСАТА НА ПРОПОЗИЦИЮ НЕИСКРЕННОГО РЕЧЕВОГО АКТА

Е.Н. Бабич, канд. филол. наук (Харьков)

Статья посвящена анализу неискренного диалогического дискурса на материале немецкоязычной художественной литературы. Устанавливаются прагматические типы реакций адресата на пропозицию неискренного речевого акта, который в данном случае является неудачным, так как говорящему не удаётся ввести адресата в заблуждение.

Ключевые слова: дискурс, реакции на пропозицию, неискренность, речевой акт.

Бабич О.М. Реакції адресата на пропозицію нещирого мовленнєвого акту. Стаття присвячена аналізу нещирого діалогічного дискурсу на матеріалі німецькомовної художньої літератури. Встановлюються прагматичні типи реакцій адресата на пропозицію нещирого мовленнєвого акту, який в цьому випадку є невдалим, тому що мовцю не вдається ввести адресата в оману.

Ключові слова: дискурс, реакції на пропозицію, нещирість, мовленнєвий акт.

Babych O.M. Addressees' reactions to the proposition of an insincere speech act. The article focuses on analyzing an insincere dialogical discourse on the factual basis of German fiction. There have been revealed pragmatic and semantic types of addressees' reactions to the proposition of an insincere speech act that in this case proves to be a failure since the addresser fails to deceive the addressee.

Key words: discourse, insincerity, reactions to a proposition, speech act.

В русле современной дискурсивной парадигмы лингвистического знания актуальным представляется рассмотрение особенностей языкового выражения смыслов при реализации речевых актов (далее РА) с нарушением условия искренности [14, с. 174; 20, с. 41]. Особое значение при этом имеет изучение реакций на такие РА, поскольку неискренность говорящего, не распознанная адресатом, в языковом отношении является непоказательной. Анализ конкретного РА не может не учитывать реакцию на него, что неоднократно подчеркивалось ещё Д. Вундерлихом: «Каждое речевое действие происходит не односторонне от говорящего к слушающему, а только тогда становится значимым для дальнейшего протекания коммуникации, когда слушающий принимает его во внимание, что, в конце концов, означает, что он (слушающий – Е.Б.), со своей стороны, берёт на себя определённые обязательства» [20, с. 22].

Исследователи реакций на неискренность подчеркивают частотность реагирования адресата на ложную, недостоверную пропозицию неискренного РА [12; 18, с. 522]. Однако, пропозициональные характеристики неискренного РА немецкоязычного диалогического дискурса, подвергающиеся оценке на истинность / ложность со стороны адресата и являющиеся основанием для его негативной реакции, остаются неизученными.

Целью данной статьи является систематизация прагматических реакций на пропозицию РА с нарушением условия искренности.

Объектом исследования являются неискренние РА, реализующиеся в немецкоязычном диалогическом дискурсе, предметом – реакции адресата на пропозицию неискренного речевого акта, которые изучаются на материале речи персонажей немецкоязычной художественной литературы.

Основным определяющим свойством диалогического дискурса является мена коммуникативных ролей: в отличие от монолога, где один коммуникант постоянно выступает в роли говорящего, а другой – в роли адресата, в диалоге коммуниканты по очереди выполняют роли говорящего и адресата [7, с. 17; 11; 17]. При этом количество коммуникантов в диалоге не обязательно должно равняться двум, однако в неискреннем диалогическом дискурсе неискренний говорящий чаще всего один, а адресатов может быть несколько. Мы принимаем во внимание то обстоятельство, что если РА обмениваются два и более неискренних говорящих, то они по очереди становятся адресатами. Автор РА с нарушением условия искренности именуется неискренним говорящим, а тот участник коммуникации, на которого направлена его коммуникативная интенция, – его адресатом (в т.ч. коллективным). Однако, анализируя реактивный РА, мы сталкиваемся со случаем, когда один и тот же участник коммуникации является и адресатом неискренного РА, и говорящим. Тем не менее, мы условно называем его адресатом в отношении первого РА для сохранения терминологической последовательности.

Материал позволяет систематизировать реакции на пропозицию РА с нарушением условия искренности, который в данном случае является неудачным, т.к. говорящему не удаётся ввести адресата в заблуждение [20, с. 22]. С точки зрения специфики языкового выражения, значимой представляется негативная реакция, когда адресат распознаёт введение в заблуждение и даёт это понять собеседнику в своём реактивном РА. Высказывание адресата неискренного РА, распознавшего скрытые намерения говорящего, сигнализируют об его отношении к ложной, на его взгляд, пропозиции.

Пропозиция является смысловым ядром РА, это “семантическая структура, способная входить в модальную рамку” [4, с. 34], “обобщённая объективированная схема отношений в синтаксической единице на уровне классов аргументов и предикатов, не ограниченных в пространстве и времени” [9, с. 120], а с позиций когнитивно-коммуникатив-

ной парадигмы – концептуальная структура, хранящаяся в оперативной памяти и активизирующаяся в речи [19, с. 91].

Реакция адресата на пропозицию РА говорящего является результатом её оценки на истинность/ложность. “Под оценкой понимается суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства (объект оценки)” [15, с. 109]. Оценка высказывания на истинность/ложность является видом общей оценки и определяется как верификация [1; 3; 5, с. 34; 16].

В.М. Труб рассматривает один из способов выражения оценки истинности/ложности высказывания – негативную оценку истинности как производного высказывания, полученного в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции. Такая оценка выражается при помощи лексем *правильно, неправильно, совершенно верно, справедливо, X ошибся, X прав, X неправ* [16, с. 44]. Заметим, однако, что слова, которые В.М. Труб относит к операторам истинности, могут выполнять не только функции оператора, но и служить просто подтверждением согласия адресата с высказыванием говорящего: “Апелляция к истинности незаметно переходит в апелляцию к согласию или одобрению. В реплике-реакции подтверждение истинности сообщения граничит с солидаризацией, а отрицание истинности часто возникает из желания противоречить или противопоставить себя собеседнику” [3, с. 8]. “Выбор выражения истинностной оценки в живом общении обусловлен многочисленными факторами: присутствием в ситуации “носителя истины” (говорящего) и его адресата, отношениями между ними, источником информации, вытекающими из сообщения следствиями, затронутостью интересов собеседников или близких им лиц, намерениями говорящего, степенью верифицируемости сообщения, типом выраженного в нём суждения, объёмом оцениваемой информации, местом в высказывании, функцией реплики в диалоге и др.” [3, с. 7].

Верификация пропозиции основывается на степени объективированности пропозиции *P* в сознании адресанта и степени объективированности про-

позиции *P* у говорящего с точки зрения адресата. Степень объективированности некоторого элемента информации в сознании участника РА предстаёт как мера осознания истинности этой информации, как своего рода собственная модель отражения действительности в собственном сознании [13, с. 31]. В неискреннем дискурсе верификация пропозиции сопровождается оценкой когнитивного состояния собеседника. На основании собственной оценки пропозиции, дискурсивного контекста, вербальных и невербальных сигналов неискренности адресат делает вывод о неискренности говорящего. В своём реактивном РА адресат даёт понять говорящему, что он распознал его неискренность.

Семантика таких РА сводится к следующим разновидностям (высказывания, реализующие неискренние речевые акты, подчеркнуты сплошной линией, а реакция адресата на неискренний речевой акт – пунктирной):

- Отрицание пропозиции. При этом имеется в виду не грамматическое, а логическое отрицание [8, с. 239]. Говорящий может отрицать *P* или $\sim P$:

(1) „Du hast Hartmut getroffen.“

„Er hat mich getroffen“, sagte Katharina nach einiger Zeit kühl.

„Er hat es mir erzählt.“ Ein Anflug von Triumph lag in Susannes Stimme.

„Das hat er mit Sicherheit nicht.“ ...

„Du hast recht“, sagte Susanne schließlich. „Er hat es mir nicht erzählt. Ich weiß es von einer Nachbarin.“ (Busch: Mord stinkt zum Himmel, с. 161–162)

(2) „Du mußt mich ja auch nicht immer ansehen bei der Stelle!“

„Ich habe dich gar nicht angesehen!“

„Doch! Du hast!“

„Das hättest du ja gar nicht sehen können, da du mir bei dieser Stelle den Rücken zukehrst.“

„Ich habe es gespürt, wie du mir von hinten ins Genick schielst! Das habe ich gespürt!“

„Ich werde dir nicht mehr von hinten ins Genick schielen!“ (Goetz, Martens: Memoiren, с. 70)

- Указание на факты, опровергающие положение дел, выражаемое пропозицией:

(3) „Na gut. Ich kannte den Wachtmann nicht.“
„Doch, wir haben Ihre Briefe zu ihm gefunden.“
(Babson: Der Tod kam auf Samtpfoten, с. 125)

(4) „Ich hatte mit dem Verstorbenen keinen Streit.“
„Die Zeugen wollen die Schreie und dumpfe Schläge gehört haben.“ (Babson: Der Tod kam auf Samtpfoten, с. 29)

- Указание на противоречивость положения дел, выражаемого пропозицией:

(5) „So, keinen Pfennig, aber die Schule hast du gestern und heute geschwänzt. Ich werd erzählen, daß du nicht krank bist.“

„Aber Kartoffeln mußte ich lesen.“

„In der Kieskuhle hast du Kartoffeln gelesen?“

„Na, dann ... komm ich eben mit.“ (Strittmatter: Tinko, с. 20)

(6) „Mailand, für ein paar Tage.“

„Für ein paar Tage haben Sie aber ganz schön Gepäck dabei.“

Sie war einfach ungeschickt im Lügen. (Prinz: Mode, Mord und Models, с. 188)

- Указание на то, что адресат не верит, что выраженное положение дел истинно. В этом случае употребляются высказывания с глаголом glauben + отрицание:

(7) „Na also!“ Er rieb zärtlich seine Nase gegen die ihre. „Nächstes Jahr haben wir eins, darauf kannst du dich verlassen.“

Sie wurde ganz rot. „Dann haben wir zwei, Konrad. Martina ist auch unser Kind. Ich fühl's doch. Du mußt morgen mit zum Richter kommen!“

„Rikchen, ich glaube nicht daran, daß es unser Kind ist.“ (Horster: Suchkind 312, с. 284)

- Указание на то, что выраженное положение дел не соответствует действительности при помощи высказываний типа *Es ist nicht wahr*, *Es ist nicht möglich*, *Quatsch*, *Absurd*, *Unsinn*, *Wahnsinn* и т.п. Такие высказывания носят категоричный характер:

(8) „Ja, ich habe die Tür aufgebrochen, ich wollte in das Theater, was mir nicht zustand, aber ... Wir haben doch heute vormittag darüber gesprochen, ich wollte noch einmal den Ort ihrer Größe betreten. ... Zu ihrem Andenken ein Gebet sprechen, auf der Bühne, die sie groß und noch

anbetungswürdiger gemacht hätte, wenn ...“

„Blank, Ihr redet Unsinn! Gebete könnt Ihr an ihrem Grab sprechen oder in der Kirche.“ (Oelker: *Loretas letzter Vorhang*, с. 230)

• Исправление говорящего. Употребляя высказывания типа *Das ist nicht richtig, Sie haben nicht Recht, Sie irren sich, Das ist ein Irrtum* и т.п., адресат высказывает, на его взгляд, истинную пропозицию:

(9) „Patricia, dieser Kunde interessiert sich für ein Sweatshirt“.

„Das ist so nicht ganz richtig, ich möchte eigentlich diese Postkarten kaufen.“

„Sie müssen entschuldigen, aber meine Freundin hat eine ziemlich offensive Verkaufsstrategie.“

„Und ich bin sicher, daß diesem jungen Mann das Sweatshirt gut stehen würde.“

„Unsinn, es ist nicht sein Stil.“ (Prinz: *Mode, Mord und Models*, с. 19)

• Эмоциональное выражение невозможности положения дел, передаваемого пропозицией:

(10) „Tu doch nicht so!“ *schrie Peter jetzt ohne alle Beherrschung.* „Das ist doch ein abgekartetes Spiel! Glaubst du, ich weiß nicht, worauf das Ganze hinzielt? Ihr wollt Sabine und mich auseinanderbringen!“

„Daß Gisela in Boston Architektur studieren wird, ist doch nur Zufall...“

Peter bemerkte die kleine Unsicherheit zwischen den Worten seines Vaters. „Gisela und Zufall! Daß ich nicht lache!“ *stieß er hervor.* (Fischer: *Verbotene Liebe*, с. 121)

• Побуждение не исказить положение дел, например:

(11) „Es muß im Oktober 1959 gewesen sein! Damals erhielt ich den ersten furchtbaren Schrecken!“

„Erzähl doch keine Märchen,“ *sagte er.* (Fischer: *Versuchung in Rom*, с. 309)

Реактивные РА в немецкоязычном неискреннем дискурсе могут относиться и к имплицитным пропозициям: пресуппозициям и импликатурам. Реплики, ориентированные на пресуппозиции и имплицатуры РА, обеспечивают смысловую связность

диалога, хотя такая реакция нарушает программу диалога [2, с. 57; 6; 10, с. 311–312]. Следующий дискурсивный фрагмент иллюстрирует реакцию на ложную пресуппозицию высказывания, которая одновременно выступает в роли дискурсивной имплицатуры, поскольку передаётся говорящим намеренно. Говоря о том, что актёры много ездят (что само по себе является истинным утверждением), говорящий вкладывает в своё высказывание ложную пресуппозицию о том, что он якобы актёр и поэтому вынужден много ездить; адресат насмешливо реагирует на такое бахвальство:

(12) „Als Schauspieler kommt man unheimlich viel herum“, *sagte er.* „Heute kleines Fernsehspiel in Hamburg, morgen Theater in München.“

Seine Zuhörer schienen beeindruckt.

„Jeder hier weiß, daß du ein Taxifahrer im neunzehnten Semester bist, der sich ab und zu als Komparse verpflichtet“, *flüsterte ich in sein Ohr.* „Kleines Fernsehspiel in Hamburg, daß ich nicht lache.“ (Gier: *Die Laufmaschine*, с. 177)

О.И. Герасимова отмечает, что реакция на имплицитный РА предполагает логический приоритет буквального смысла, т.е. более частотной является реакция на эксплицитный смысл РА [6, с. 48]. Однако, это касается только искренних РА. В случае же негативной реакции на неискренний имплицитный РА она касается имплицитного смысла, который верифицируется адресатом как ложный и сигнализирует о неискренности говорящего.

Как видно из примеров, негативная реакция на пропозицию имеет место чаще всего в случае неискренних ассертивов (1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 12), но возможно также такое реагирование на неискренние директивы (в примере 9 это косвенное неискреннее побуждение показать покупателю джемпер) и на неискренние оправдания (2, 5). Большинство РА, представляющих негативную реакцию на пропозицию РА с нарушением условия искренности, принадлежат к ассертивному типу (1, 3, 4, 6, 7, 9), встречаются также реактивные квеситивы (5), директивы (11) и экспрессивы (2, 8, 10, 12).

Таким образом, анализ негативных реакций на неискренние РА показал, что на основании соб-

ственной оценки пропозиции, дискурсивного контекста, вербальных и невербальных сигналов неискренности адресат делает вывод о неискренности говорящего и выражает этот вывод, исправляя говорящего, побуждая его не исказить положение дел, передаваемое пропозицией, отрицая это положение дел, указывая на опровергающие его факты, на его противоречивость, на свое недоверие, на то, что оно не соответствует действительности или является невозможным.

К перспективам исследования относим рассмотрение реакций на иллюкцию и перлюкцию РА с нарушением условия искренности в немецкоязычном диалогическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики или о пользе спора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М. : Наука, 1990. – С. 175–189.
2. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 52–79.
3. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 6–39.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – [изд. 4-е, стереотипное]. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 384 с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки : [монография] / Вольф Е.М. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
6. Герасимова О.И. Прагматическая детерминированность ответных реплик / О.И. Герасимова // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1985. – С. 44–48.
7. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т.Н. Колокольцева. – Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2001. – 260 с.
8. Мозгова Н.Г. Логіка : [навч. посіб.] / Мозгова Н.Г. – К. : Каравела, 2007. – 248 с.
9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / Никитин М.В. – М. : Высшая школа, 1988. – 168 с.
10. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога / Е.В. Падучева // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1982. – № 4. – С. 305–313.
11. Плеханова Т.Ф. Дискурсивно-диалогическая концепция художественного текста : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 „Германские языки“ / Т.Ф. Плеханова. – Минск, 2005. – 32 с.
12. Потыкина В.Л. Активация контекстных ресурсов в негативной реакции на достоверность высказывания / В.Л. Потыкина // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. – 2001. – № 537. – С. 93–99.
13. Саввина Е. Н. Движение информации в диалоге / Е.Н. Саввина // Диалоговое взаимодействие и представление знаний : сб. науч. тр. ; под ред. А.С. Нариньяни. – Новосибирск. – С. 27–38.
14. Серль Дж. Р. Классификация иллюкутивных актов / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
15. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / Телия В.Н. – М. : Школа „Языки русской культуры“, 1996. – 288 с.
16. Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности / В.М. Труб // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 44–61.
17. Hundsniischer F. Dialoganalyse und Literaturbetrachtung / F. Hundsniischer // Concepts of Dialogue: Considered from the Perspective of Different Disciplines. – Tübingen : Niemeyer, 1994. – P. 77–105.
18. Liedtke F. Performativität, Sprechhandlung, Wahrheit / F. Liedtke // ZPSK. – 1990. – Heft 43. – S. 515–533.
19. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen : Franke, 1990. – 219 S.
20. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen / D. Wunderlich // Linguistische Pragmatik. – Frankfurt am Main : Athenäum, 1972. – S. 11–59.

ИСТОЧНИКИ

ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Babson M. Der Tod kam auf Samtpfoten / Babson M. – Bergisch Gladbach : Bastei-Verl. Lübbe, 1996. – 189 S.
2. Busch A. C. Mord stinkt zum Himmel : [Krimi] / Busch A. C. – Düsseldorf : Econ-Taschenbuch-Verlag, 1996. – 305 S.
3. Fischer M. L. Verbotene Liebe : [Roman] / Fischer M. L. – Klagenfurt : Buch und Welt Verlag, 1983. – 256 S.
4. Fischer M. L. Versuchung in Rom : [Roman] / Fischer M. L. – Köln : Lingen Verlag, 1984. – 359 S.
5. Gier K. Die Laufmaschine : [Roman] / Gier K. – Hattersheim : Verlag Graberg & Görg, 1982. – 216 S.
6. Goetz C. Memoiren / C. Goetz, V. von Martens. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1969. – 524 S.
7. Horster H.-U. Suchkind 312 : [Roman] / Horster H.-U. – Köln : Lingen Verlag, 1981. – 478 S.
8. Oelker P. Loretas letzter Vorhang : [Ein historischer Kriminalroman] / Oelker P. – Hamburg : Rowohlt, 1998. – 395 S.
9. Prinz Th. Mode, Mord und Models : [Krimi] / Prinz Th. – Düsseldorf : Econ-Taschenbuch-Verlag, 1995. – 216 S.
10. Strittmatter E. Tinko / Strittmatter E. – Berlin : Kinderbuchverlag, 1955. – 445 S.